

12+ Софья Ложкина

Вера. Щит предрассветного часа

Софья Ложкина

Вера. Щит предрассветного часа

«Издательские решения»

Ложкина С.

Вера. Щит предрассветного часа / С. Ложкина — «Издательские решения»,

Вера приезжает в деревню, чтобы продать дом бабушки, но узнаёт: она — наследница древнего щита, удерживающего разлом между мирами. Тьма бьёт по самым уязвимым местам, питаясь надеждами и страхами. Вера учится стоять на своём не из храбрости, а из упрямой верности тем, кто рядом. Теперь Вера держит предрассветный час уже не по праву рождения, а по собственному выбору. Мистика здесь — не спецэффект, а отражение внутренней борьбы: щит держится на памяти, заботе и маленьких, но твёрдых решениях.

© Ложкина С.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Последний рейс	6
Глава 2. Дом с иконами	7
Глава 3. Стук в подпол	8
Глава 4. Человек на тракторе	10
Глава 5. Скотный двор и сельпо	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вера. Щит предрассветного часа

Софья Ложкина

© Софья Ложкина, 2026

ISBN 978-5-0071-1195-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Последний рейс

Ноябрь цеплялся за город мокрыми пальцами: дождь хлестал по автобусным остановкам, размывая афиши и превращая тротуары в серые реки. Вера вжалась в жёсткое сиденье старого ПАЗика и смотрела, как город постепенно сдаёт позиции лесу. Асфальт закончился, дорога сузилась до двух колеи, и автобус, кряхтя, полез вверх по размытому склону.

За окном лес становился всё гуще, будто кто-то нарочно сдвигал деревья ближе друг к другу, чтобы перекрыть путь назад. Вера сжала в кармане потрёпанный конверт — одно из редких писем бабушки. «Не бойся темноты, она помнит тех, кто не предаёт свой род», — писала бабушка выцветшими чернилами. Вера тогда посмеялась, а теперь эти слова звенели в голове, как предупреждение.

Она закрыла глаза и тут же увидела перед собой коридор детдома: длинный, серый, с запахом хлорки и одиночества. Там учили не привязываться и не надеяться. Потом была мать — сначала тихая, потом испуганная, потом запертая в палате, где она шептала про «голоса в стенах». Вера отгоняла эти воспоминания, но они возвращались, как сквозняк, который невозможно закрыть.

Дорога всё круче забирала вверх, лес сомкнулся над ней, и даже свет фар стал казаться слишком маленьким, чтобы что-то осветить. Вера вдруг поняла: она едет не просто в деревню. Она едет туда, где её семья держала оборону, и теперь эта оборона рухнула, оставив в щите дыру. И, возможно, дыра эта — внутри неё самой

Вера сжала в кармане письмо бабушки и вдруг почувствовала, как стыд снова накатывает, будто холодный сквозняк. Она столько раз рассказывала Роме про «родителей-бизнесменов», про «семейный дом в деревне, куда мы поедem летом», что почти поверила в эту сказку. А теперь эта деревня оказалась не дачей на выходные, а местом, где её мать когда-то сорвалась с края, где бабушка держала оборону, а Вера — пустое звено в цепи.

ПАЗик заскрежетал тормозами и замер у покосившегося столба с табличкой «Перекрёсток». Дальше дороги не было. Вера вышла под мелкий ноябрьский дождь, и её тут же накрыло чужим, тяжёлым воздухом — не городским, не привычным, а таким, будто здесь время шло иначе. Лес стоял стеной, и в этой тишине слышалось что-то ещё: не ветер, а будто шёпот, который начинался там, где кончались слова.

Она потащила сумку по раскисшей дороге, чувствуя, как каждый шаг тянет её назад, в прошлое. И чем ближе становилась изба с потемневшими наличниками, тем яснее Вера понимала: она приехала не продавать дом. Она приехала туда, где всё началось — и где, возможно, придётся закончить.

Глава 2. Дом с иконами

Изба пахла сухой полынью, ладаном и старым деревом — так пахло в церкви, куда их водили в детдоме на большие праздники. Только там запах был чужим и строгим, а здесь он будто знал Веру. На стенах висели потемневшие лики, и казалось, что из темноты рам кто-то следит за каждым её движением.

Вера бросила сумку у порога и тут же схватилась за телефон. Экран мигнул, и тут же раздался звонок — Рома.

— Ну что там? Дом осмотрела? Слушай, мне срочно нужны деньги. Я тебе говорил, что эти коллекторы... — голос Ромы дрожал, но в нём всё равно прорывалась обида, будто это Вера виновата, что он проиграл чужие деньги.

— Я только приехала, — тихо сказала Вера, оглядываясь на иконы. Ей вдруг стало стыдно не за долги, а за то, что она столько врала. — Тут... всё не так просто.

— Не начинай про «атмосферу», — перебил Рома. — Мне не нужна атмосфера, мне нужны деньги. Дом старый, деревня глухая, но хоть что-то выручим. Выставь на продажу, слышишь? И чем быстрее, тем лучше.

Вера нажала «отбой» и положила телефон на стол, будто хотела от него дистанцироваться. В этот момент она впервые поняла: она не хочет продавать этот дом. Не потому, что он ей дорог, а потому, что, кажется, он нужен ей, чтобы перестать быть той, кто врёт про «бизнесменов».

За окном скрипнула калитка, и Вера вздрогнула. Но это был не бес и не призрак — это был мужчина в куртке, с кепкой в руках. Он стоял у крыльца, будто не решаясь постучать.

— Здравствуйте, — сказал он просто. — Я Женя. Живу тут рядом. Видел, что автобус приехал. Если помощь нужна — я тут.

И в этом «я тут» было столько обычного, человеческого тепла, что Вера вдруг почувствовала, как внутри что-то чуть-чуть оттаяло.

Глава 3. Стук в подпол

Ночь навалилась на деревню сразу, как будто кто-то выключил небо. В избе было тихо, но эта тишина не успокаивала — она была слишком плотной, будто в ней что-то пряталось и ждало. Вера сидела на краю скрипучей кровати, обняв колени, и прислушивалась к дому. Он дышал: старые балки пощёлкивали, ветер гудел в печной трубе, а где-то внизу, под досками пола, время от времени раздавался короткий, сухой стук — будто кто-то постучал костяшками по дереву изнутри.

Вера уговаривала себя: это мыши, это доски от сырости сжимаются, это ветер гоняет по двору пустую жестянку. Но каждый раз, когда стук повторялся, её прошибал холод, который шёл не снаружи, а изнутри — из памяти. Она вспомнила палату в лечебнице, где мать, глядя в угол, шептала: «Они стучат, они зовут, они знают, что я здесь». Вера тогда отворачивалась, делала вид, что не слышит, что это просто бред. А теперь этот стук пришёл за ней.

Она встала, накинула пальто прямо поверх свитера и подошла к окну. За стеклом клубился ноябрьский туман, такой густой, что даже фонарь у калитки казался не светом, а пятном, которое вот-вот растворится. И в этом пятне что-то двигалось. Что-то крупное и тяжёлое, с неровной, дёрганой походкой. Оно подошло к окну и вдруг ударило по стеклу — не ладонью, а чем-то твёрдым, округлым, будто копытом. Удар был глухим, но стекло дрогнуло.

Вера отшатнулась, прижимая ладонь к груди, чтобы унять бешеный стук сердца. Она схватила телефон, пальцы дрожали, экран мигал, как испуганный глаз. Набрала Рому. Гудок. Ещё один. И вдруг вместо его голоса в трубке раздался шёпот — не его, чужой, низкий, будто говоривший стоял не в Питере, а прямо за её спиной: «Ты ведь не такая, как они. Ты хотела быть лучше. Ты врала. Они знают, что ты врала».

Вера с криком сбросила вызов, телефон выпал из рук и замер на половине, экран погас. В эту секунду она поняла: бесы не просто стучат в подпол и бьют в окно. Они знают её. Они выучили её ложь наизусть и теперь будут повторять её, пока она не поверит, что сама стала этой ложью.

И тут дверь распахнулась. Не от ветра — её толкнули снаружи. На пороге стоял Женя, в куртке, с фонариком в руке. Луч света скользнул по полу, по тёмным углам, по иконам на стене, и на секунду в этом свете всё стало обычным: просто старая изба, просто ночь, просто парень, который пришёл проверить, всё ли в порядке.

— Я видел, как свет мигал, — сказал он спокойно, будто не было никакого ужаса за спиной. — И слышал, как что-то бьёт по окнам. Тут такое бывает. Не в первый раз.

Вера хотела сказать: «Уходи, тут опасно, тут что-то нечеловеческое», но вместо этого прошептала:

— Мне страшно.

Женя кивнул, как будто это самое честное, что можно было сказать. Он поставил фонарик на стол, и тёплый жёлтый свет разогнал тени в углах.

— Тогда не оставайся одна, — просто сказал он. — Я посижу тут, пока не рассветет. Если хочешь, можем вообще не говорить. Или можем говорить про что угодно, хоть про дискотеки, хоть про погоду. Главное, чтобы ты не слушала то, что шепчет дом.

Вера села на стул, подтянула ноги, и впервые за долгое время ей не хотелось ничего придумывать. Не хотелось казаться сильной, не хотелось врать, что всё под контролем.

— Нина из магазина любит дискотеки, — тихо сказала она, цепляясь за эту обычную деталь, как за спасательный круг. — Она всё время смеётся, и голос у неё такой тонкий... будто она боится, что если замолчит, то услышит что-то, чего слышать не хочет.

Женя усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — только понимание.

— Да, Нина умеет прятаться за смехом. Тут все так делают. Кто-то в работу уходит, кто-то в болтовню, кто-то просто старается не смотреть по сторонам. А дом всё равно ждёт, когда ты согласишься.

Он сел напротив, облокотился на стол и посмотрел на неё прямо, без суеты:

— Ты не обязана сегодня всё понять. И не обязана сразу становиться кем-то. Просто переживи эту ночь. А завтра уже будем думать, что делать дальше.

Вера кивнула, чувствуя, как внутри, под тяжестью страха, начинает пробиваться крошечное чувство, которого она давно не знала — чувство, что она не одна.

А под полом снова раздался стук. Но теперь он звучал не как голос безумия, а как вызов. И Вера вдруг поняла: если она будет сидеть здесь, в свете фонарика, рядом с человеком, который не убегает от тьмы, этот стук не сможет её сломать.

Глава 4. Человек на тракторе

Утро пришло серым и злым: дождь не лил, а висел в воздухе мелкой мокрой пылью, оседая на плечах и стекая по стёклам. Вера проснулась на лавке, укрытая чьим-то тёплым, грубым пледом. В комнате пахло дымом и горячим чаем, а на столе стояла кружка с остывшим напитком и кусок чёрного хлеба. Женя уже ушёл, но оставил после себя не только тепло — он оставил ощущение, что мир не полностью враждебен.

Вера вышла во двор. Холод ударил по лицу, как пощёчина, и сразу напомнил, зачем она здесь: дом надо продать, долги закрыть, вернуться к привычной, пусть и фальшивой, жизни. Она нашла топор у поленницы, взялась за него неловко, по-городскому, и первый же удар ушёл вбок, расщепив не полено, а воздух. Второй и третий были не лучше.

Когда трактор появился на дороге, Вера даже не удивилась. Он ехал медленно, тяжело, как живое существо, привыкшее к этой земле и к её тяжести. Женя вылез из кабины, снял кепку, стряхнул воду и, не спрашивая, подошёл к поленнице.

— Давай я помогу, — сказал он, как будто помогать было самой естественной вещью на свете. — А ты пока посмотри, что там с крышей. Или просто погрейся. Тут работы на всех хватит.

Он взялся за топор, и каждое его движение было точным, выверенным годами: один удар — полено распадается на две ровные части; ещё один — щепки летят в сторону, как искры. Вера стояла рядом, наблюдая, как он работает, и чувствовала, как стыд снова подступает к горлу. Ей хотелось сказать: «Я не беспомощная, я просто давно не держала топор», но слова застревали.

— У меня три брата, — вдруг сказал Женя, не глядя на неё, будто продолжал какой-то внутренний разговор. — Младшему восемь, среднему двенадцать, старшему шестнадцать. Родители погибли в аварии два года назад. С тех пор я для них и отец, и мать, и тот, кто должен сказать: «Всё будет хорошо», даже если сам не верит.

Вера не знала, что ответить. Ей хотелось сказать что-то правильное, утешительное, но она слишком хорошо знала, как фальшиво звучат правильные слова. Вместо этого она просто кивнула:

— Наверное, это очень тяжело.

Женя пожал плечами, но в этом движении было столько усталости, что Вере захотелось сделать хоть что-то, чтобы эту усталость немного снять.

— Если хочешь, я могу с ними посидеть, — неожиданно для самой себя сказала она. — Ну, просто побыть рядом. Или книжки почитать. Я в детдоме много читала, знаю, как это — когда хочется, чтобы кто-то был рядом, даже если не говорит ничего.

Женя посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то новое — не благодарность, а скорее удивление, будто он не привык, что кто-то предлагает помощь просто так.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Они будут рады. Особенно младший. Он всё время спрашивает, когда папа вернётся. А я не знаю, что ему сказать.

В этот момент Вера поняла одну важную вещь: её собственный стыд не делает её хуже других. У каждого своя тяжесть. У неё — ложь и страх сойти с ума. У Жени — трое братьев, которых он обязан держать на плаву. И, может быть, именно потому, что они оба несут свою тяжесть, им легче быть рядом друг с другом.

Трактор снова зарычал, и Женя сел в кабину.

— Сегодня я тут, а завтра мне надо будет уехать на полдня в район — документы оформить. Но если что, ты знаешь, где меня найти. И... не ходи одна к колодцу. Особенно в туман. Тут в тумане многое кажется тем, чем не является.

Он уехал, оставив Веру одну с поленницей, топором и странным чувством, что земля, на которой она стоит, начинает понемногу узнавать её.

Глава 5. Скотный двор и сельпо

До магазина Вера шла, стараясь смотреть только под ноги: на раскисшей дороге было полно ям, и каждый шаг утягивал сапог чуть глубже, будто земля проверяла, насколько она готова здесь остаться. Над деревней висел тот самый ноябрьский туман, который не рассеивался даже днём, а только густел, превращая знакомые вещи в смутные силуэты. Изба, сарай, покосившийся забор — всё казалось временным, будто вот-вот растворится в этой сырой белёсой пелене.

Сельпо стояло на углу, рядом с бывшим скотным двором, от которого остались только столбы и ржавые цепи. Вывеска над дверью давно выцвела, но буквы ещё можно было разобрать: «Продукты». Внутри пахло квашеной капустой, дешёвыми конфетами и пылью, которая годами копилась на полках.

За прилавком, как и положено, была Нина. В мини-юбке, несмотря на холод, в высоких сапогах и с ярким шарфом, она выглядела так, будто ждала не покупателей, а приглашения на дискотеку. Она стояла, слегка покачиваясь в такт какой-то неслышной музыке, и, заметив Веру, тут же расплылась в улыбке, звонко щёлкнув пальцами.

— О, новенькая! Или не новенькая, а наследница? — Нина подмигнула, голос у неё и правда был тонкий, будто она всё время сдерживала смех, чтобы не сорваться на хохот. — Ну, рассказывай, что брать будешь? Чай, сахар, или сразу бутылку для храбрости? Тут без храбрости по вечерам никак.

Вера хотела сказать просто «хлеб и молоко», но слова застряли. Она вспомнила, как Женя вчера шепнул: «Тут все прячутся за чем-то: кто в работу, кто в болтовню». Нина пряталась за кокетством и смехом, и этот смех звенел, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Хлеб, пожалуйста, — тихо сказала Вера. — И... если есть, чай.

Нина ловко схватила буханку, завернула в бумагу, постучала по прилавку, будто отбивала ритм, и вдруг замерла. Её взгляд скользнул по рукам Веры, потом поднялся выше, и улыбка на секунду сползла, как плохо приклеенная маска.

— Слушай, — сказала Нина уже тише, почти серьёзно, — ты ведь внучка бабки Марьи, да? Той, что держала предрассветный час. Я её помню. Она никогда не смеялась просто так. И не пряталась.

Вера сжала пальцы в кулаки, чувствуя, как стыд снова подкатывает к горлу. Она столько раз в Питере рассказывала про «родителей-бизнесменов», что сама почти поверила. А теперь эта женщина, в мини-юбке и с накрашенными губами, смотрела на неё так, будто видела насквозь.

— Да, — выдохнула Вера. — Я Вера.

Нина кивнула, будто это всё объясняло.

— Тогда слушай. Тут у нас не любят, когда делают вид, что ничего не происходит. Дом твой... он не просто дом. Он как сторожевая башня. А башни без дозорного — это просто развалины.

Она протянула хлеб, но пальцы её на секунду задержались, и Вера заметила на них шрамы — тонкие, белёсые, будто от ожогов. Они шли по тыльной стороне ладони и уходили под рукав. Нина тут же одёрнула руку, снова натянула улыбку и затараторила:

— Но ты не пугайся! У нас тут всё нормально. Ну, почти. Просто... если вдруг услышишь, что кто-то зовёт тебя у колодца — не иди. Особенно если голос знакомый. Тут в тумане голоса любят притворяться теми, кого ты больше всего хочешь услышать.

В дверь магазина ввалился почтальон — сутулый, угрюмый, с мешком через плечо. Он бросил на Веру короткий, жалостливый взгляд, будто уже знал что-то, чего она ещё не знала, и протянул ей конверт.

— Уведомление, — буркнул он. — О смерти. Разбирайся сама.

Конверт был тонкий, серый, без лишних надписей. Вера взяла его, и пальцы снова предательски задрожали. Почтальон хмыкнул, будто хотел что-то добавить, но только махнул рукой и вышел, оставив после себя запах сырости и чего-то старого, давно забытого.

Нина наклонилась через прилавок и прошептала:

— Не читай пока. Серьёзно. Сначала выпей чаю. Тут новости лучше заходят с чем-то тёплым внутри.

Вера кивнула, не в силах выдать ни слова. Она заплатила, взяла пакет и уже повернулась к выходу, когда Нина снова заговорила, на этот раз совсем другим голосом — тихим, без кокетства, почти детским:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.